

Расс. чл. чл. - 1995. - 25 апр. - с. 4.

СНИМАЮ КИНО ИЗ КОРЫСТИ

Он учился у Ромма — на младших курсах ВГИКа. И тогда, в самом начале самостоятельного пути, снял лихую учебную семиминутку «Репортаж с асфальта», картинку из жизни города — о человеке в толпе. Работа настолько понравилась Михаилу Ромму, что в письме к Сергею Герасимову он подробно проанализировал первую работу первокурсника. Причем в одном ряду с размышлениями о творчестве Феллини, Хуциева — вот так, ни больше ни меньше.

Помогли ли напутствие мастера и его легкая рука — но вот уже двадцать лет Вадим Абдрашитов вместе с неразлучным другом, сценаристом Александром Миндадзе снимает замечательно умное, своеобразное кино. Все оно — настоящего времени, о сегодняшней нашей жизни. И так уж получилось, что к своему юбилею (в январе Абдрашитов отметил пятидесятилетие) режиссер сам себе подготовил подарок: новый, девятый по счету фильм (конечно, по сценарию Миндадзе) «Пьеса для пассажира» получил приз «Серебряного медведя» на 45-м Международном Берлинском кинофестивале.

— Вадим Юсупович, о чем фильм? Почему на этот раз ваш герой — новый русский, у которого ничего в жизни — даже мести — не получается как надо?

— С легкой руки публицистов, политиков, социологов, журналистов в обиход была введена такая категория, как «сломанная эпоха», «прерванное время». Мы говорим: «порвалась связь времен». Или — «перебит хребет века» и т. д.

Сейчас я смотрю за окно: так же, как раньше, крепко стоят здания, растут деревья, которые, естественно, зацветут весной, а потом, я надеюсь, придет лето...

Что же меняется? В чем слом эпохи? Он проходит сквозь судьбы людей, сквозь душу. Это драма внутри человека. И я говорил актерам: мы с вами собрались, чтобы снять фильм об осколках этого исторического слома.

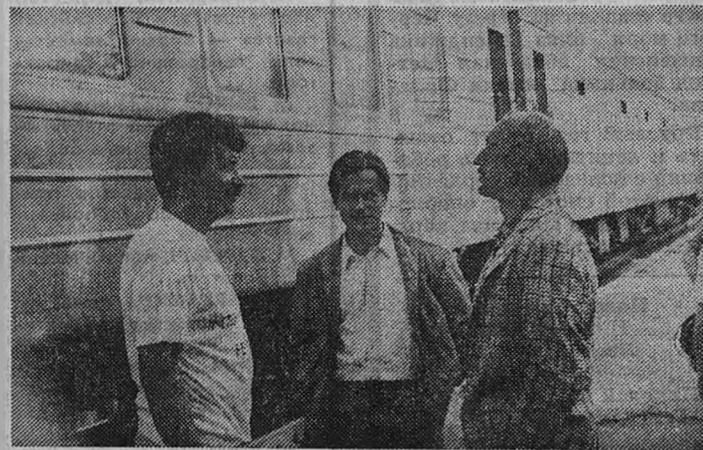
А выбор героев — он тоже продиктован временем. Потому что сейчас делать картину о современности и не включить в действующие лица человека пруссака и с уголовным прошлым — это значит показать эту жизнь не полностью. А в сценарии и в картине существует как бы претензия на то, чтобы описать некое поколение. Дать хотя бы его абрис, внешний рисунок, примерный расклад сил в обществе.

Отсюда и появился главный герой — такой вот преуспевающий, как бы обязанный жить заманчивой полнокровной жизнью богача, а не получается. Потому что он

тоже обломок времени. Почему-то так выходит в нашей жизни, что ни у кого из нас ничего сейчас не получается. Вот об этом картина.

— А как вы работаете с Миндадзе?

— Сначала мы долго оговариваем тему в каких-то очень необязательных разговорах-размышлениях. Возникает такой желеобразный замысел, пока Миндадзе на-

конец не берет перо в руки. И мы на это время расстаемся.

— Вадим Юсупович, вы сняли девять фильмов. Какой наиболее близок?

— Такого нет. Они все мои, все наши дети. А как среди своих детей выделить лучшего? Один выше, другой ниже, один младше, другой старше, один мальчик, другая девочка. Совсем разное кино.

— А вам не кажется, что «Пьеса для пассажира» — лента скорее «для внутреннего пользования», для «своего» зрителя, а не для триумфов на международных кинофестивалях?

— Конечно — как и большинство наших картин. За исключением, может быть, «Парада планет» и «Слуги», лент, охватывающих более широкие жизненные категории — власти, рабства, свободы.

Да, почувствовать глубоко наше кино может только человек, который живет нашей жизнью. А для западного зрителя Россия вообще предстаёт загадкой — особенно сейчас. В картине эта наша общая странность еще как бы увеличена.

— А неужели у вас никогда не возникало желания найти какую-то черную изнанку жизни и потрясти ею перед зрителями?

— Нет, мне это неинтересно. Это и заведомое обречение, сужение замысла. Да, жизнь имеет светлую и темные стороны. Можно снять

про помойку жизни (а в нашей действительности грязи хватает), но зачем? Не хочется себя ограничивать.

Кроме того, перестройка нас как бы и не коснулась. Мы и раньше делали картины, которые хотели, не деформировали в угоду чему-либо свой замысел и сейчас делаем то, что считаем нужным.

— Главная проблема российского кинематографа сейчас?

сказал, что «Искусство рождается в неволе, мужает в борьбе, гибнет при свободе». Это правда. Когда все возможно — теряется стиль. Открытый текст в искусстве — не искусство.

— Молодое поколение режиссеров ориентируется сегодня не только на художественный, но и на коммерческий успех. Как все же запрячь воедино «коня и трепетную лань»?

— Думаю, само время управит положение даже в нашем обществе, живущем страшными заботами в ощущениях войны. Все равно оно не сможет жить без культуры, без искусства и, естественно, без кинематографа.

На Западе зрителя привлекают боевиками со сверхпрофессиональными аттракционами на уровне Спилберга. Это один ствол развития. А вторая ветвь — будущая необходимая демократизация кинематографа. Для того чтобы Ваня Петров пошел в кинотеатр, он должен быть уверен, что там увидит что-то про себя, про свои заботы. Пока же вроде кино снимают про саму жизнь, но разрыв между зрителями и кинематографистами произошел. И он большой.

Мы не первая страна, которая это переживает, — итальянский неореализм родился как ответ на потребность итальянского зрителя увидеть свою жизнь на экране. То же самое произошло с «новой волной» во Франции. И в нашем кино после XX съезда, во времена «оттепели». Зритель повалил в кинотеатры, потому что увидел там себя. И это опять у нас произойдет.

Еще и потому, что почва, на которой существует отечественный кинематограф, вся взрыхлена, обработана русской литературой, абсолютно демократичной по духу — в лучшем смысле этого слова. И глубоко сложной на самом деле — разве «просты» Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чехов Бунин?

— Для чего вы работаете — могли бы сформулировать?

— Я работаю исключительно из корыстных соображений. А именно — мне нравится это дело, кинорежиссура. Нравится вообще жить в кинематографе, что-то снимать на пленку, монтировать. Нравится процесс делания картины. Мною движет исключительно желание реализовать замысел, который представляется достаточно интересным и, что немаловажно, трудным, сложным.

— В другой роли себя уже не представляете?

— Как сказать... Я немалую жизнь уже прожил. Выстроил даже какую-то карьеру на заводе, могу предста-

вить себя в другом качестве. Но это, безусловно, не сравнится с творческой жизнью. Поэтому для меня сейчас другого способа существования, как на съемочной площадке и за монтажным столом, просто нет.

— Значит, можно сказать, что нашли себя?

— Я надеюсь.

Беседу вел

Наталья БОБРОВА.

На съемках фильма «Пьеса для пассажира». Слева Вадим Абдрашитов
Фото Андрея РОДЬКИНА.